

Л.А. ДМИТРИЕВ
БАЛЛАДА О ЧЕТВЕРТОЙ ПРОГРАММЕ ЦТ

М.: Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2000. - 48 с.

ОТ АВТОРА

Зачем пишут мемуары – известно: чтобы доказать самому себе, что жизнь прожита не зря; чтобы убедить других, что ты лучше, чем о тебе говорят; чтобы обелить себя и очернить врагов; чтобы оправдаться; чтобы, наконец, рассказать вслух то, что приходилось долго утаивать; чтобы предаться приятным воспоминаниям.

Когда меня попросили написать о Четвертой программе, я с удовольствием согласился по последней причине, хотя грех отрещиваться от всех остальных. За сорок пять лет, отданных телевидению, было всего два по-настоящему золотых года, идеальных во всех отношениях. Других таких не было и уж, конечно, не будет.

В жизни все приходится однажды делать впервые. Писать мемуары тоже. Я удивился, поняв, что сделать это хорошо можно в трех случаях: если ты вел дневник, если собирал архив и если у тебя феноменальная память. Судьба не даровала мне ни того, ни другого и ни третьего, и моя память, как у большинства людей, похожа на дуршлаг. Она пропускает воду подробностей и отцеживает только вермишель выводов. В этом нет ничего дурного. Уроки и выводы – самое главное для нас. Не знаю, кто придумал красивый, но совершенно ложный парадокс, что история-де учит только тому, что она ничему не учит. Учит, да еще как! Говорят, история – это политика, опрокинутая в прошлое. Тогда судьба – это история, опрокинутая в будущее. В этом, очевидно, польза мемуаров и воспоминаний.

МНЕ ДЕЛАЮТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я считал себя самым счастливым человеком на свете. Точнее - кем-то вроде кота, которому всегда масленица. Подумайте сами: я - комментатор телевидения, и нет должности замечательней. Красуюсь на телеэкране, начальства - только главный редактор. Отработка – четыре комментария в месяц. Сделать их можно за четыре дня. За все остальное - гонорар. Двадцать шесть дней в месяц ты свободен как птица. Хочешь - пиши сценарии, хочешь - гуляй. О чем еще мечтать?

Но судьба, очевидно, решила, что этого счастья мне мало, что я достоин большего. Именно поэтому Эдуард Муртазин (он исполнял тогда обязанности главного редактора редакции пропаганды) пригласил к себе, притворил за собой дверь кабинета и произнес тоном заговорщика:

- Сейчас упадешь со стула. Тебя хотят сделать большим начальником.
- Хорошо бы очень большим, - нагло заявил я.
- Да как сказать. Запом главного по Четвертой программе Центрального телевидения.
- Такой и нету.
- Вот ты ее и сделаешь. Ее к пятидесятилетию Октября придумали. Поручено трем главным редакциям: информации, пропаганды и литдрамы. Тебе три отдела: пропаганды, науки и спорта.
- А чем делать?
- Все дадут, не бойся. Только из нашей редакции возьмешь всего пять человек. Выбери, кого хочешь. Зато семьдесят пять штатных вакансий. Собирай команду - и вперед.
- Когда надо начинать?
- Вчера! - ответил Эдик новой остротой всех начальников. - Эфир в ноябре. Соглашайся.

Это было в июне 1967-го года. На все про все около пяти месяцев. Мне, привыкшему работать с колес, в дикой спешке, без подготовки, в постоянном цейтноте, эти пять месяцев казались сказкой. За это время можно горы своротить. Но больше всего грело другое. Не ломать старое, не ремонтировать дряхлое, а создать чудо на пустом месте. Табула раза и карт-бланш! О таких баснословных возможностях не приходилось и мечтать.

Я согласился.

ПОЧЕМУ Я?

Думаю, выбор пал на меня из-за книжки "Документальное искусство". Ее журнальный вариант опубликовало в мае-августе "Советское радиовещание и телевидение". Я предлагал десять способов, как делать новое искусство средствами живого (прямого) телевидения.

По поводу этой книжки будущая Четвертая программа и преподнесла первый урок. Он был прост: никогда не становись в позу пророка и провидца. Не занимайся футурологией телевидения и ничего не предсказывай. Человек предполагает, а жизнь располагает. Она выдумает такое, что спутает все карты. Я уповал на возможности живого телевидения. А в новом телецентре в Останкине рядом с каждой из четырнадцати студий уже монтировали аппаратные видеозаписи.

Я совсем забыл про свой киносюжет "Кино без киноплёнки", нашумевший лет десять назад. Выяснилось, что в Государственном доме звукозаписи (ГДРЗ) группа энтузиастов начала эксперименты записи телевизионного изображения на магнитную плёнку. Успех был рядом, дело оставалось за малым. Из-за широкой полосы частот телесигнала магнитофонная плёнка должна была лететь мимо записывающей головки со скоростью восемь метров в секунду. Часто происходил сбой, и огромный ком плёнки приходилось вырывать пассатижами. Решить проблему никак не удавалось.

Несколько лет спустя выход нашел инженер американской фирмы "Ампекс". Ход его мысли был прост: а почему плёнка должна лететь с бешеной скоростью мимо записывающей головки? Хорошо и наоборот: пусть головка с бешеной скоростью летит мимо плёнки! Он сделал звукозаписывающий диск, вращающийся с огромной скоростью, и изобрел видеоманитофон.

Видеоманитофон и положил меня как теоретика на обе лопатки. Я доказывал, что с ним кино исчезнет и останется только телевидение. Случилось же как раз наоборот. Телевидение исчезло и стало кинематографом без киноплёнки. В 1970 году все телепередачи шли исключительно в видеозаписи. Живое (прямое) телевидение кончилось. Видеозапись стала подарком для цензуры, все идущее в эфир стало легко контролировать.

У телевидения нет своей обособленной истории. Оно развивается по законам общества, частью которого является. Вы можете предвидеть развитие нашего общества хотя бы на десять лет вперед? Нет? Тогда забудьте о телевизионных прогнозах. Этот урок телевидение преподносило потом еще не один раз. Не знаю, как другие, я учился у жизни очень медленно. Видеозапись громко подсказывала, как делаются открытия, но я не слышал подсказки. История Четвертой программы явственно говорила, что у любого исторического явления есть фабула, железная логика и последовательность. Но эта история, увы, еще не началась, а до видеозаписи как политической цензуры было еще года полтора. Я мог еще гулять в фазаньих перьях теоретика.

Вот в чем польза мемуаров: они помогают подметить сюжетные зигзаги истории.

Я ДЕЛАЮ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В коридоре телецентра на Шаболовке я отвел в сторонку Иру Железову, самую миниатюрную и очаровательную женщину телевидения, и сказал:

- Ира! Хочу сделать тебе предложение.

Теперь я знаю, что с женщинами так шутить нельзя. Ира вдруг собралась,

посерьезнела, словно ожидая неприятности.

- Предлагаю тебе должность завотделом науки на Четвертой программе ЦТ.

И я рассказал ей о беседе с Муртазиным. Щечки ее порозовели, в глазах загорелись лукавые огоньки. Она согласилась, не задумываясь.

- Кого возьмем в пятерку? - спросил я.

- Светлану Четверикову командовать режиссерами. Сашу Гуревича ей в подмогу.

Светлана Четверикова, актриса, ставшая телевизионным режиссером, крупная миловидная женщина со спокойным, очень русским лицом и твердым характером, не слабее, чем у Иры Железовой. Саша Гуревич, единственный на телевидении режиссер, который в передачах о науке действительно понимал, что снимает, великий труженик и очень порядочный человек.

- Вот что значит взаимопонимание, - радостно согласился я. - Один к одному - мое мнение.

- А вот на социальный отдел никого не знаю.

- Есть кандидатура. Он тебе понравится.

Он и в самом деле понравился всем. Саша Шпикалов, редактор из журнала "Советское радиовещание и телевидение". Он вел мою публикацию о документальном искусстве и проявил себя на редкость интеллигентным и эрудированным человеком. Да к тому же еще был талантливым фотографом.

Вскоре все впятером мы собрались на первое рабочее совещание на нейтральной территории. "На тайную вечерю", - как сказала Ира. Она обожала тайны и розыгрыши.

ТРОННАЯ РЕЧЬ

Этой речи я никогда не произносил. Было не до речей. Но мысли уже оформились. Я считал, что если человек взялся руководить другими, у него должна быть четкая и продуманная программа действий. Если бы ее довелось изложить, звучать тронная речь могла бы примерно так:

- Дорогие друзья! Я позвал вас руководить экспериментальной Четвертой программой Центрального телевидения, рассчитанной на интеллигентного зрителя. В чем суть нашего эксперимента? Мы будем искать истину и говорить правду.

Истина - это соответствие того, что мы думаем, тому, что есть на самом деле. Правда - соответствие того, что мы думаем, тому, что мы говорим. Два очень простых понятия, но на каждом можно свернуть себе шею. А рисковать все равно придется.

По содержанию наш девиз - проблема. Я и отделы предлагаю назвать: отдел социальных проблем, отдел научных проблем. Беспроblemная передача как безалкогольная водка - вода, в лучшем случае лимонад.

Эксперимент и по форме. Не только интересно, но и ярко. Уже названия должны сбивать с ног.

Будем искать новое и в организации. Раньше было как? Я начальник - ты дурак, ты начальник - я дурак. Начальники искали подчиненных глупее себя, подчиненные тоже. В итоге дело делали одни кретины. Я сломал эту традицию и выбрал подчиненных, которые умнее и талантливее меня. Сделайте то же самое, и вы уже победили.

Кстати, я вам не начальник, а старший товарищ. Власть буду употреблять, но она заканчивается на вас. А в своих отделах вы полные хозяева, и в ваши дела я не лезу. Помогать готов всегда, но все права вам, и вся ответственность - ваша.

В чем секрет успеха? И не в проблемности, и не в организации. Все дело в людях. Соберем вокруг себя самых талантливых и порядочных - они сделают все остальное. Вот почему первым делом создадим тайный отдел кадров. Это все мы. Каждого новичка будем пробовать на зубок. Конечно, где-то все равно ошибемся, но это будут исключения.

А теперь, как и полагается, будем считать от конца. Эфир - седьмого ноября 1967 года. Передачи должны лежать готовенькими в конце октября. За октябрь их надо сделать, значит к сентябрю - сценарии. В августе найти сценаристов и редакторов. Даже раньше,

ведь нужно выдумать рубрики и сделать тематический план. Выходит - в июле. А на дворе июнь, и раскачиваться уже некогда.

- Мы со Светой можем проникнуть на режиссерские курсы и отобрать самых головастых, - сказала Ира.

- Проникайте и вербуйте. Вот что значит подобрать подчиненных, которые шустрее тебя. Из меня шпион и разведчик никакой... Кстати, кто-то обещал кофе? Я устал говорить, хочу пить маленькими глоточками и слушать.

«ШИБКО БЫСТРО» ВЫРОСЛИ

Идея тайного отдела кадров была плодотворной. В первые же дни Саша Шпикалов нашел Игоря Пальмина, и все получили удовольствие от беседы с этим скромнейшим и начитаннейшим человеком. Он оказался блестящим фотографом и великолепным выдумщиком. (Кстати, совсем недавно в газетах промелькнуло сообщение, что на одном из международных фотоконкурсов Игорь Пальмин получил золотую медаль.)

Ира Железова привела Игоря Дуэля, шумного, велеречивого, говорящего не только много, но и умно. Позднее он написал несколько книг, стал членом Союза писателей и был ведущим деятелем демократического «Апреля».

Светлана Четверикова отыскала помощника режиссера Олега Точилина. Он самозабвенно работал, учился заочно на журфаке МГУ, а много лет спустя стал одним из руководителей информационной программы "Время".

А дальше начался кадровый самотек. Среди тех, кто просился к нам на работу, попадались очень интересные люди. Трудно складывалась судьба режиссера Славы Белянинова. Этот темпераментный и остроумный брюнет обворожил весь подпольный отдел кадров.

- Но у меня чудовищный недостаток, - признался он. - Меня в Москве никто не знает и не может рекомендовать. И своих работ не могу показать: все ушли живьем в эфир.

- Выход есть, - успокоил я. - Вас рекомендует первая передача, которую вы сделаете. Возьмем с испытательным сроком. Будет отличная передача - вы у нас. Будет плохая - извините. Согласны?

- Еще бы!

- Оформляйтесь, но тут же приступайте к делу.

Черт меня дернул на этот эксперимент!

Будущий коллектив поднимался как на дрожжах, и судить об этом было легко по тому, как мы сидели. А сидели в одной тридцатиметровой комнате редакции научно-популярных передач. Когда всех нас стало больше пятидесяти, между столами и стульями промежутков не осталось. Если ты залез на рабочее место, вылезти обратно уже не мог, если вылез - вернуться уже не удалось бы. А тут, как назло, наступило время обсуждения рубрик, их концепций, пришла пора думать сообща. Спасала молодость. Шутили, что от такой тесноты могут быть дети. Смех смехом, но однажды допекло:

- Люди ходят на работу, чтобы работать. А мы зачем, если работать нельзя?.. На сегодня все. А завтра собираемся, чтобы решить, куда деваться. Правда, район у нас дурной. Завод "Карбюратор", завод "Шарикоподшипник", фабрика "Шпулька", родильный дом, сумасшедший дом и крематорий. В жилом доме снять квартиру не получается, уже пробовали. Короче, завтра приходите с идеями.

Назавтра никаких новых идей не родилось.

Но жизнь иногда любит ошарашить сюрпризами, и это был тот самый случай.

- Главную новость знаете? - спросил я.

Ответом были недоуменные взгляды. Значит, сейчас будет сенсация.

- Надевайте бриллианты и фраки, у нас сегодня новоселье. Мы переезжаем.

- Куда?!! - загалдели все.

И я рассказал новость, которую узнал ночью. Она меня поразила, потому что я не

мог предположить, что кто-то о нас думает. Оказывается, высокое начальство, зная, как мы задыхаемся в тесноте, рядом с новыми корпусами Останкино построило два двухэтажных редакционных корпуса. Панельные бараки со всеми удобствами. Собирайте чемоданы и - поехали!

Вечером мы отмечали новоселье с шампанским и пирожными. Нам досталось десять комнат. У меня теперь был отдельный кабинет, у моих замов - тоже, комнаты у редакторов, у режиссеров и ассистентов. Но, оказывается, думали не только о нашем жилье. Новый отдел перспективного планирования и прогнозирования подготовил список календарных дат и разработал концепцию главных направлений вещания. Такого сроду не бывало. Но, пожалуй, самое главное – на подготовительных курсах мы отобрали полтора десятка молодых режиссеров.

ПРОБЛЕМА ПРОБЛЕМНОСТИ

История - это время, а время все-таки учит.

Помнится, лет за пять до этих событий руководитель Центрального телевидения Георгий Александрович Иванов проводил общую летучку и сказал, в частности:

- Об одном я буду просить всех вас: выходите в ваших передачах на проблемы. На самые животрепещущие проблемы, которые надо решать. Передачи без проблем - это мертвые бледные тени, скользящие по экрану впустую. Проблемы - главное...

Я сидел на «камчатке» среди друзей и комментировал:

- Ну что он там несет! Какие еще проблемы? Передачи интересно придумывать и делать, вот что главное!

Я уже делился наблюдением, что люди, если и умнеют, то очень медленно. Но если через пять лет на «тайной вечере» я утверждал, что наш девиз - проблема, а отдел Шпикалова надо назвать отделом социальных проблем, значит, за пять лет до меня дошло, хотя и в самом общем виде.

Что такое телевизионная публицистика? Это публичное обсуждение социальных проблем. Мы, создавая отдел социальных проблем, становились на тернистый путь публицистики, не думая, что за это придется расплачиваться. Мы уже были наслышаны, куда делся публицист от журналистики Михаил Кольцов, публицист от поэзии Осип Мандельштам, публицист от литературы Борис Пильняк, но все это казалось чем-то далеким и абстрактным. Мы еще не понимали, что одна из самых животрепещущих социальных проблем - это проблема самой проблемности, проблема публицистики, т. е. гласности, свободы слова, свободы мысли. Затевая Четвертую программу, собираясь искать истину и говорить правду, мы по легкомыслию молодости не осознавали опасности. Счастливое неведение! Сколько благородных поступков было бы не совершено, если думать о том, чем все кончится.

А проблема проблемности, проблема публицистики, и сегодня остается такой же острой, такой же нерешенной, как и тридцать лет назад. На телевидении никто не пытается объяснить, почему в итоге перестройки и реформ удалось построить лишь криминально-номенклатурный капитализм и как выбраться из этой ситуации. Ни на одном телевизионном канале нет отдела социальных проблем, занятого вопросом, как обустроить Россию.

Вот зачем пишут мемуары: чтобы напомнить, что есть еще задачи, которые и тогда, и сейчас не удалось решить.

МОИ ЛИЧНЫЕ ЗАБОТЫ

А были еще и мои личные проблемы. Не знал я, например, что делать с отделом спорта. И вот как-то вечером в «бараке» я заглянул в кабинет Аркадия Ратнера, руководившего отделом спорта.

Начал я издалека.

- Понимаешь, Аркадий, я пришел к выводу, что если человек не любит дела,

которым занимается, то рано или поздно он его провалит. Согласен?

Аркадий удивленно поглядел на меня, еще не понимая, куда я клоню.

- Согласен.

- Это я про себя. Признаюсь честно: спорта я не знаю, не люблю, заниматься мне им неинтересно. Рано или поздно я твой отдел завалю, и проблема в том, как его спасти. У меня на выбор два варианта. Первый: все остается как есть, но я объявляю итальянскую забастовку. Всю власть в спорте я отдаю тебе. Ты будешь полным хозяином и сам станешь принимать все решения. Все бумаги я буду подписывать, если их завизируешь ты. Но отвечать за все тебе. Когда надо, я, конечно, прикрою, возьму на себя, но это только в критической ситуации. Вариант второй: мы идем к Иванову, он твой отдел переподчиняет и ты получишь нового начальника, который в спорте соображает. Выбери любой вариант.

Аркадий на секунду задумался.

- Я выбираю первый.

- Так я и думал. Ты мужик самостоятельный, знающий, сам бог тебе велел быть хозяином. А я буду рядом в роли ширмы. Значит, решили?.. Поздравляю. С этой минуты ты главный редактор спорта. Будет туго - заходи ко мне без стука.

Это было правильное решение. Отдел спорта работал безукоризненно, за все время там не было ни одной накладки. Когда на летучках его хвалили за интересные передачи, я не забывал подчеркнуть, что это заслуга Аркадия Ратнера. А у меня камень свалился с плеч, и я ходил счастливый оттого, что не надо заниматься этими тоскливыми проблемами спорта.

Мемуары пишут для того, чтобы рассказать, наконец, во всеуслышание такое, что приходилось долго утаивать.

ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ

И все же мемуары нужны ради будущего. Поэтому, несколько забега вперёд, расскажу о самом главном для меня открытии, которое подарила Четвертая программа ЦТ.

Началось с пустяка. Мы впервые решили заняться экономикой нашего дела, потому что случайно приняли на должность помрежа девушку с экономическим образованием. Хотелось найти оптимальные пропорции между оригинальным вещанием, кинопоказом, повторами и связать это с деньгами и техникой, которые нам выделили. Экономистка быстро сосчитала и убедительно доказала, что концы с концами не сходятся, что несколько часов оригинального вещания в месяц обеспечить нечем. Мы знали, что сидим на голодном пайке, но не думали, что до такой степени. Работа редакции была под угрозой. Ясное дело, что дополнительных денег, людей и техники никто не даст. Положение казалось безвыходным.

- Не безвыходным, а критическим, - уточнил я на худсовете. – Выход есть: надо думать. Очень крепко и очень профессионально. Надо придумать баснословно дешёвую и баснословно популярную передачу. И чтобы час можно было бы сделать за час без больших трудов. Вот вам и условия задачи: часовая импровизация на захватывающую тему. Без декораций, репетиций и подготовки. Орешек крепкий, но разгрызть можно. Поэтому сейчас все расходимся, бродим по улицам и бредим. Завтра в десять встречаемся и подбиваем бабки.

И что вы думаете? Мы все-таки выдумали такую передачу. Решение оказалось простым. Надо собрать в студии самых именитых, самых талантливых, самых умных московских журналистов. Первачей, интеллектуальный цвет нации, ораторов, говорунов, трибунов. Им как дохлую кошку надо подкинуть такую остренькую и даже пикантную темочку. Пусть они думают вслух, ломают голову, спорят, ищут мудрое решение. А мы все живём запишем на видео. Пусть появится дискуссионный клуб. А назовем его "Пресс-центр".

Мы очень гордились, что смогли придумать невозможное и решить головоломную задачу. Правда, мои коллеги выдвинули условие: уговаривать журналистов-первачей надо на самом высоком уровне.

- Понятно. Вот и собирай подчиненных умней себя: они вытащат каштаны из огня чужими руками. Но вы еще не знаете секрета. С сегодняшнего дня у меня есть персональная "Волга". Вот сяду всем назло и стану кататься целыми днями по редакциям, а вы работайте. Кто кого перехитрил?

Но не новая рубрика была главным открытием.

МОЯ ПЕРСОНАЛЬНАЯ "ВОЛГА"

От Шаболовки до Останкина - машиной минут сорок, а муниципальным транспортом и все полтора часа. И снова начальство позаботилось о нас, проводивших полдня в дороге. Сначала пустили рейсовый автобус-челнок, а потом руководителям подразделений сделали просто царский подарок: закрепили за ними персональные машины. Я впервые в жизни стал начальником на черной «Волге».

Вот и выход. Капризных журналистов-первачей хлебом не корми, а покажи, что ты их уважаешь. Я созванивался, обещал сделать лестное предложение и проявлял уважение тем, что не заставлял их тратить силы и время. Для беседы я готов был приехать к каждому в редакцию. Метод сработал, я легко и быстро уговорил всех, но рассказ не об этом. Когда люди что-то изобретают, мимоходом они обязательно находят еще что-то, порой куда более важное, чем первоначальное изобретение. Так случилось и на этот раз.

На персональной черной "Волге" с персональным шофером я объездил все московские редакции: "Правду", "Известия", "Комсомольскую правду", "Огонек", студии "Мосфильм", ЦСДФ, Научно-популярных фильмов. Я бродил по редакционным коридорам и всюду видел на дверях одинаковые таблички: "Отдел информации", "Отдел пропаганды", "Отдел военно-патриотического воспитания", "Отдел экономики", "Отдел молодежи", "Отдел морально-этических проблем" и т. д. Зная назубок все отделы телевидения и радио, я понял, что везде одно и то же.

"Журналисты мыслят штампами" - вспомнился Карел Чапек. Впрочем, штампами мыслят не журналисты, а журналистское начальство, мысленно издевался я. Это в Агитпропе все редакции мастерят под копирку, одним штампом. Всюду одно и то же штатное расписание, одна и та же схема тематических планов. Всех под одну гребенку, вот их девиз...

Тут меня и осенило.

Да никакой это не штамп, а закон природы! Я оторопел, был просто поражен. Как можно было изгаляться над Агитпропом, если он уловил главное. Все газеты, журналы, телевидение, радио занимаются общим делом: они формируют личность, воспитывают ее. А для этого каждому журналисту надо бить в свою цель: кому познание, кому мораль, кому патриотизм, кому гражданские чувства, кому возраст, кому пол. Передо мной распахнутая настесь структура личности, которую никак не могут найти психологи.

Человек! Личность! Вот что главное в нашей профессии. А телевидение - это живая и подробная модель личности, которая подсказывает, как надо делать телевидение. Нам, например, надо разработать тематический план по отделу науки. Бери структуру своего родного телевидения и списывай с готовенького: информация о науке, научная публицистика, передачи познавательные, образовательные, учебные, наука для молодежи, для детей, для женщин, наука и кино, наука и литература, наука и нравственность, наука и развлечения, и спорт, и экономика, и международная жизнь, и пр. Отдел социальных проблем – то же самое.

Так, занимаясь проблемами социальных и естественных наук, я сделал для себя самое главное профессиональное открытие: я в конечном счете пришел к Человеку. Правильно говорил Протагор: Человек есть мера всех вещей. Все в Человеке, все для Человека. Мы творим для Человека - нашего зрителя, мы творим про Человека - это наши

герои, и делает это все Человек - журналист телевидения.

Это было удивительно практичное открытие, оно помогало работать правильно и эффективно. С этой минуты я занялся теорией личности, теорией деятельности, психологией искусства. Мне отворились двери сказочной сокровищницы. В течение трех десятков лет я черпал из нее, что помогло в конечном счете разработать цельную и непротиворечивую концепцию гуманитарного искусства (творчества), центрированную на Человеке.

Но в годы Четвертой программы до этого было еще далеко.

Мемуары - это не о прошлом. Когда сегодня я смотрю "Пресс-клуб" Киры Прошутинской, я знаю, откуда он родом. Конечно, теперь он интересней и совершенней, чем "Пресс-центр" на Четвертой программе, но тогда от бедности и нищеты мы изобрели новый жанр. А жанр – всеобщее достояние. Правда, «нахлебались» мы с этим жанром радости выше головы. Но об этом позже, а пока закончу тему о персональном автомобиле.

ПЕРСОНАЛЬНОЕ И ЛИЧНОЕ

Моя персональная "Волга" вскоре меня достала. Она считалась моей личной, но раскатывала на ней вся редакция. Привезти выступающих (первые передачи мы уже записывали), отвезти экспонаты, получить канцтовары и т. д. и т. п. Мой кабинет стал проходным двором, только был я уже не руководителем, а самым обыкновенным диспетчером. Я уже собирался назначить кого-то из помрежей на это место. Когда нужно было поехать куда-то самому, машина всегда была в разгоне.

Спасение пришло само собой в лице новой руководительницы одного из подразделений Четвертой программы. Назовем ее Люсей Б.

- Леня, - сказала она решительно. - Ты еще не обалдел от своей персональной? Я - уже. Все на ней гоняют, а когда надо самой поехать – ее и концов не найти. Вот почему у меня предложение: давай сложим все наши персоналки в маленький автопарк. С информацией я уже договорилась, дело за тобой. Все-таки три машины - не одна, возможностей будет больше.

- Ты предлагаешь автомобильный колхоз... - я задумался. - Колхоз - дело хорошее, мне с этой персоналкой уже плешь проели. А кто взвалит на себя дела диспетчера?

- А я и взвалю. Я только пришла, меня еще не заездили.

- Договорились, Люся. Ты явилась как избавление.

А дальше со мной было то же самое, что с новоиспеченным - колхозником, который добровольно отвел свою личную корову на колхозную ферму. Корова стала общественной, но молоко куда-то исчезло, не говоря уже о сметане. Я понял, что меня обвели вокруг пальца, когда увидел, как Люся Б. с подругами отправлялась на трех машинах на Пятницкую, где работала сказочная столовая Ростелерадио: королева со свитой ехала обедать.

Я потерял свою персональную, но приобрел бесценный опыт. Изобретатель колхозов был гением. Общественное и общенародное на самом деле принадлежит тем, кто распределяет дефицит. Человек должен быть хозяином дела и владеть собственностью. Собственность – это власть, и ее нельзя никому отдавать добровольно. Это давно доказал Шекспир на примере «Короля Лира». Но, видно, не вся наша страна прочитала эту бессмертную трагедию, поскольку согласилась на общегосударственную, общенародную и колхозную собственность. А я вот хоть и читал, но сам, без нажима, отвел за веревочку свою персональную корову в автомобильный колхоз Люси Б. Зато я понимаю, что происходит, когда аграрии в Думе в десятый раз проваливают закон о частной собственности на землю. Нет, товарищи красные председатели, я теперь ученый и буду только свободным фермером. Частная собственность – это закон природы, а отменять такие законы никому не дано.

Конечно, я мог бы отыграть свой автомобиль обратно, но сил ушло бы на это уйма, а дел было невпоровот. Я правильно отказался от драки. Вскоре все переехали в

Останкино, и автомобильный колхоз Люси Б. ликвидировали. А вот опыт, с ним связанный, у меня остался, и он будет полезен даже тем, кто идет следом.

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ БУДЕМ РЕШАТЬ?

Время сжималось как шагреновая кожа, уже шел август, а мы все ломали головы, выдумывали, изобретали. У нас утвердился принцип: сначала хорошо выдумать, а потом сделать еще лучше. Выдумывать было чертовски трудно. Вот что пока надумала команда Саши Шпикалова.

Главная рубрика - "Планета людей". В нее можно запихнуть что угодно. Новация в том, что впервые замахнулись на всемирную историю, решили рассказать о самых драматических моментах в истории человечества. Рубрика "Дни, которые потрясли мир". Подзаголовки: "Восстания", "Сражения и битвы", "Пять столетий тайной войны".

Сюда вписывалась и самая новейшая история, к юбилею которой и приурочили создание Четвертой программы:

"Так начинался Наркоминдел".

"Крушение империи" - о создании СССР.

"По обе стороны баррикад" - об интеллигенции в революции.

"Как возникали правительства" - о Колчаке, Юдениче.

"Агония" - последние дни белогвардейщины.

Социальные проблемы должны были обсуждаться в дискуссионном клубе "Пресс-центр", о котором я уже рассказал выше. Но не только.

Бесспорной творческой наглостью был цикл передач по психологии "Человек, которого мы не знаем". Никто не мог подсказать, что психология была у нас первой репрессированной наукой, пострадавшей раньше генетики и кибернетики.

"Человек начинается с имени".

"Акселерация - загадка XX века".

"Год прав человека".

"До и после свадьбы"

Последнюю передачу выбрал для себя Слава Белянинов. Он был в материале, потому что сам только что женился.

Много проблемного обещали социальные портреты («Социальный портрет города»).

Позднее были сняты очерки про Елабугу, Ленинанкан, Кировск, Алма-Ату.

Примыкал к этому циклу "Социальный портрет профессии" - "Слово имеет официант", "Романтика по найму" (вербовка на Крайний Север). Предполагалось сделать передачи о массовых профессиях: шоферах, врачах, учителях. Это было связано с проблемами профориентации: "Пути, которые мы выбираем".

А как результат выбора - "След на земле". Очерки о выдающихся людях: Джоне Риде, Рисе Вильямсе и др.

И, конечно же, жанр фотоочерка, любимое детище Игоря Пальмина.

"Мир глазами фоторепортера".

В первую очередь сделали передачу "Сто кадров года", потом очерк о Волго-Балте.

Сейчас такой эскиз тематического плана может показаться наивностью, но тридцать лет тому назад социология и социальная психология у нас только начинались, а про политологию и вообще ничего не знали. Правда, не было в ходу понятий "инакомыслие" и "диссидент". Они появятся позднее из-за тех, кто любит искать истину и говорить правду.

ЧЕМ ПОРАДУЕТ НАУКА?

Отдел научных проблем Иры Железовой порадовал тем, что отказался от принципа научной популяризации и вплотную подошел к жанру просветительского телевидения, познавательного, образовательного, мировоззренческого. Для того времени это был

настолько смелый шаг, что вскоре привел к созданию новой главной редакции - Народного Университета.

Отделы вступили в творческое состязание и мыслили уже в планетарном масштабе. Ответом на "Планету людей" были "Диалоги с глобусом":

"Если бы горы могли говорить". История рельефа Земли.

"Вода как она есть".

"Сколько стоит земля?"

"Полметра над вечной мерзлотой".

"Среди песчаного океана".

"В стране дремучих трав"

"Земная казна".

Цикл "Окно в мир" (техника науки):

"Миллиард объективов". Фотография для науки.

"Любознательная камера". Кино для науки.

"Ускоритель прогресса". О серпуховском синхрофазотроне.

Цикл "Как дорога стала короче". О проблемах транспорта:

"Мемуары чугунного колеса".

"Автомобильная фантазия".

Цикл "Встречи на границе". Междисциплинарные науки типа инженерной психологии:

"Спор о мухе". Бионика.

"Кроссворды древности". Психолингвистика. Цикл "Мы обживаем океан":

"Свернувшееся море".

"Дом на дне".

"Океан в колбе".

Это уже детище Игоря Дуэля, мечтавшего о морских путешествиях.

Были и другие циклы: "Четыре лика материи" - твердое тело, жидкость, газ, плазма; "Двигатели прогресса" - паровой двигатель, электромотор, двигатель внутреннего сгорания, атомный реактор; «Материалы XX века» - стекла, пластмассы, сталь, алюминий, композитные материалы; "Начинается с модели"; "Полчаса у телескопа".

И, конечно же, цикл "Жизнь замечательных людей" - спектакли об Эйнштейне, Менделееве, Сеченове.

В процессе работы выявилась и внутренняя тема каждой программы: драма открытия, изобретения, поиска, находки. Драма гипотезы и творческого решения.

БАЦИЛЛА ТЕАТРА

Бациллу драмы вместе с идеей политического театра занес в редакцию Саша Шпикалов. Его ребята придумали поставить документальный спектакль о суде над Рисом Вильямсом, соратником Джона Рида. В основе изобретения был литературный театр, т. е. театр, в котором нет актеров, создающих образы. Они не перевоплощаются, а показывают. Читают тексты. Театр вывернут наизнанку. В амфитеатре сидят чтецы, на сценической площадке работает ведущий. Пьеса такого театра - это композиция о главном персонаже, собранная из писем, дневников, мемуаров, записок в альбомы, разных документов, но составленная по всем законам драмы.

Находка Шпикалова и его друзей состояла в том, что наряду с ведущим персонажем, которым в данном случае был Рис Вильямс, главным героем было событие, т. е. Великая Октябрьская социалистическая революция.

Литературный театр, превращенный в политический, оказался для нас сущей находкой. Он был баснословно дешевым. Декораций не требовалось. Как в шекспировском "Глобусе", их замещали детали. Для американского суда - звездный флаг на стене и стол, покрытый сукном. Из костюмов - судебная мантия. Снимать такой спектакль можно было с одной репетиции. При этом у публики такой спектакль имел

бешеный успех, это выяснилось на первой же премьере.

Находку коллег мы решили развить дальше. К счастью, в статье известного писателя (кажется, Даниила Гранина) мы нашли ключ к новому открытию. "Не драма людей, а драма идей..." Это вызвало у нас просто телячий восторг. Вот что нам надо! Что, если создать научный театр?! Только какие идеи должны схлестнуться в научной драме?

- Самая острая драма - это схватка материализма с идеализмом, - сказал Игорь Дуэль.

- Надо экранизировать "Материализм и эмпириокритицизм", - подсказал кто-то.

Все одобрительно загалдели и тут же высказали общее мнение, что если Игорь породил идею, пусть он и будет драматургом.

- Страшно, - сказал Игорь. - Чую, что можно сделать хорошо, но как - ума не приложу.

- А ты приложи - и получится.

Получилось, но приложили потом Игоря и всех нас. Но об этом позже. А пока в нас бурлила смелость первопроходцев, помноженная на неопытность. Ну кто мог тогда знать, что в свое время Сергей Эйзенштейн собрался экранизировать "Капитал" К. Маркса. Но он был гений и вовремя отказался от идеи интеллектуального кино. Мы в гении не лезли и делать интеллектуальное телевидение не боялись.

Это история о том, как люди ищут истину в своей профессии. Нам вдруг открылось, что мы теперь можем создавать любые театры. Принцип ведь ясен. Что такое хоккей или футбол? Спортивный театр. "КВН" - развлекательный молодежный театр. Для этого жанра нужны две вещи: амфитеатр с аудиторией и сценическая площадка, на которой разворачивается зрелище. Мы придумывали новый жанр, но не сумели придумать ему название, а ведь жанр как память культуры начинается с того, что ему дают имя. Это имя дали, но не у нас: ток-шоу, разговорное зрелище. Ток-шоу расплодилось на современном телевидении в невероятном количестве. Есть политические, семейные, женские, развлекательные, эротические, музыкальные, молодежные, познавательные и т. д. Каждый уважающий себя телеведущий считает долгом иметь свое ток-шоу. Их можно понять. При удивительной дешевизне производства этот жанр обладает потрясающей эффективностью. Ничего удивительного, он ведь покоится на фундаментальных основах театра, а театр - это сама жизнь. Правильно сказал Шекспир: "Весь мир - театр..."

ВЕЛИКАЯ ЭПОХА НАЧИНАЕТСЯ

Пять месяцев, отпущенных на подготовку программы, пролетели как пять минут. Никогда не приходилось жить с такой интенсивностью. За день сотни новых лиц, тысячи событий. Разговоры, худсоветы, совещания у самого высокого начальства. Ошибки, накладки, нелепые случайности. Споры до хрипоты. Истерики, женские слезы. Мелочи жизни и философские проблемы, профессиональная беспомощность и трудовой героизм, таланты и бездарность. Приходилось работать по четырнадцать часов в сутки, часто ночевать в кабинете, но, как ни странно, усталости не было, такая интересная шла жизнь. Задел сценариев, замыслов рос. Можно было уже почти месяц жить на готовом.

И вот настала очередь самой последней, т. е. самой первой передачи, которой должна была открыться Четвертая программа. Ее придумали сообща на совещании у Г.А. Иванова: "Парад рубрик!" Каждому отделу предстояло рассказать о своих самых интересных рубриках и сделать это в высшей степени увлекательно. Говоря современным языком, мы хотели сделать многочасовой фильм о Четвертой программе, состоящий из множества рекламных роликов. Фрагменты фильмов, передач, очерков, сюжетов должны подаваться быстро, ярко, остроумно... Кажется, то, что нужно.

Тут пора сделать небольшое отступление. Я все время говорю о Четвертой программе, хотя на самом деле речь идет лишь о трети ее, об отделах социальных и естественно-научных проблем. Я работал на Четвертой программе, но обо всем, что не касалось меня лично, узнавал случайно, спорадически, мимоходом. Некогда было

смотреть чужие шедевры, успеть бы сделать свои. Не исключаю возможности, что подлинную славу программе принесли передачи других отделов, более зрелищные, развлекательные, но, что подделаешь, самым интересным и захватывающим представляется то, чем занимаешься сам.

Кажется, только на открытии все мы встретились.

"Занимательная информация" предложила пестрый калейдоскоп сенсаций. Гвоздем, кажется, был очерк "У самого синего неба" – об испытателях парашютов.

Блистательно выглядел спорт под руководством Аркадия Ратнера.

"Клуб четырех коней" - для любителей шахмат.

"Страницы олимпийской истории".

"Спорт скрытой камерой".

"Мастера зарубежного спорта".

Журнал "Футбол".

Дискуссионный клуб "Интеграл".

Литературно-драматическая редакция была выше всяких похвал и вывалила пестрый ворох анонсов. Тут были очерки о Сергее Эйзенштейне и других мастерах театра и кино. Цирк. Архитектура. Эстрада.

"Музыка кино".

Изостудия "Палитра".

"Памятники мировой литературы".

Одним словом, весь мир искусств.

О наших рубриках я уже рассказал.

И вот 4-е ноября 1967-го года. В празднично украшенной студии Останкино собралась вся Четвертая программа - редакторы, режиссеры, помрежи. Девушки особенно красивы, юноши элегантны, все торжественны. В центре студии подиум, на нем, возле микрофонов, почти все руководство и все почетные гости.

Приближается начало передачи. В эфире заставка передачи и музыка. Дикторы за кадром сообщают, что вот-вот начнется новая телевизионная эпоха.

Мы ждем, но главного начальства все нет.

Ждем час. Никакого результата.

Идет второй час. Начальства нет.

Мы, руководители подразделений, собираемся, чтобы решить, что делать.

- Мы на пределе. Надо идти к Иванову...

- Пусть пойдет Дмитриев, - предложил кто-то. - Иванов к нему хорошо относится.

Все посмотрели на меня.

- Я пойду, - обреченно согласился я. - Какая разница, убьют меня там или я помру здесь от разрыва сердца. И я пошел на заклятие.

СТРАННЫЙ СПОР

Меня привели в кабинет из красного дерева. Кажется, это было в правительственной студии, куда потом приезжал для выступлений Л.И. Брежнев. При студии был рабочий кабинет Генсека, буфет, комната для помощников, комната для охраны и пр. В разных углах кабинета сидели двое: Георгий Александрович Иванов, заместитель председателя Гостелерадио по телевидению, и Петр Нилович Демичев, секретарь ЦК КПСС по идеологии.

Чтобы не запнуться на вступлении, я начал с порога:

- Простите, Георгий Александрович, ситуация критическая. Исполнители ждут два часа и скоро перегорят. Если сейчас не начать, вместо праздника будет полный провал.

Иванов посмотрел в мою сторону и сказал спокойно:

- Подожди минуточку, Леня...

И они спокойно, даже несколько лениво продолжили свой разговор. Через минуту я понял, о чем спор. Руководители никак не могли договориться, что же они собираются

открыть: то ли первую очередь Останкинского телецентра, то ли Четвертую программу. Какая разница, думал я, стоит ли из-за такого пустяка мучить в ожидании сотни людей? Но, очевидно, там, в верхах, была своя, недоступная моему пониманию логика.

Я терпеливо ждал.

Иванов словно вспомнил, что у спора есть свидетель:

- Иди и скажи нашим, что через десять минут мы начинаем.

Меня как ветром сдуло.

Через десять минут торжественное открытие состоялось. Открывали, оказывается, и первую очередь Телецентра, и Четвертую программу.

Событие было незабываемым. Я ошибался, полагая, что исполнители перегорят. Мучительное ожидание сработало как драматургический прием ретардации, торможения. Возможно, проявился психологический эффект Зейгарник, эффект прерванного действия. Если действие искусственно прервать, закончить его хочется еще сильнее. Это уже сказывалось мое открытие роли личности и знакомство с работами по психологии. Мы как бы сразу перешли на второе дыхание. Глядя на студийные мониторы, понимали, что все получается. Остроты били в точку, импровизации приводили в восторг, шутки понимались с полуслова. На экранах разворачивался великолепный калейдоскоп трюков, сенсаций, парадоксов. Гостям все безумно нравилось, нам самим тоже. Было счастливое ощущение, что это большой успех.

Когда в окружении друзей я спускался по лестнице, кто-то, идущий сзади, дружески положил мне руку на плечо. Обернувшись, я увидел Георгия Александровича Иванова. Он не сказал ни слова, только радостно прищурил глаза, что должно было значить:

-У нас получилось!

-Очень здорово получилось!! - ответил я тоже глазами.

Все были счастливы.

КАТАСТРОФА

А на следующее утро в кабинет влетел бледный и растерянный Слава Белянинов:

- Моя передача погибла!

Тут же зазвонил телефон. Из дирекции сообщили, что случилась беда. Ночью на четвертом этаже выбило заглушку теплосистемы, и потоками кипятка залило студии. Аппаратные вышли из строя, рулоны с видеозаписью готовых передач сварились. Нашим отделам еще повезло, испорченной оказалась только передача Белянинова. Другие пострадали серьезнее, хотя Славе от этого было не легче. Его передача о проблемах молодой семьи «До и после свадьбы» планировалась через две недели.

- Что ж будет с эфиром? - в ужасе спрашивал он.

- Только без паники, - отвечал я. - Главное в сумасшедшем деле - спокойствие. Эфир мы сдвинем. А передачу придется сделать заново. Вода водой, а спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Профессия режиссера - преодоление трудностей. На твою долю выпали самые чудовищные. Так докажи себе и нам, что ты режиссер. Считай, что это был черновик, а теперь будешь делать все набело. Дадим тебе зеленую улицу. Техники, ассистентов, транспорта - сколько потребуешь. А?

С лица Славы слетел налет растерянности.

- Можно позвонить от вас?

- Конечно.

Слава позвонил отцу невесты, генералу. Он встретил сообщение о несчастье со спокойствием полководца, как если бы какая-то рота погибла в окружении. Молодожены только что уехали в свадебное путешествие. Ничего, он снимет их с поезда...

Слава сделал невозможное. Через три недели смонтированную заново передачу мы принимали прямо в эфире. Она получилась отменно.

- Кажется, она лучше первой, - признался он, когда программа подошла к концу.

- У меня предложение. Давай сварим ее в кипятке, а ты сделаешь третью, сразу на Ленинскую премию.

- Вам все шуточки. Не надо премий, я жить хочу.

- Прости, это от изумления. Наверное, первый и последний случай, когда за прохождение испытательного срока мы вынесем благодарность. А, чем черт не шутит, может выбьем у начальства денежную премию?!

Слава был на вершине блаженства.

С помпой открыв первую очередь Телецентра имени 50-летия Октября и Четвертую программу телевидения, мы тихой сапой вернулись на Шаболовку и снова вещали оттуда. Инженеры творили чудеса, пострадавшие творцы тоже. Домыслы о диверсии не оправдались, было обычное российское разгильдяйство. К новому году мы снова вернулись в отремонтированные останкинские аппаратные.

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

- С новым, 1968-м годом! С новым счастьем!

Это банальное, расхожее поздравление вдруг обрело глубокий смысл. Четвертая программа помогла понять, что счастье - это когда ты самореализуешься как личность, когда твоё "Я" становится именно таким, как ты его представлял. Если проще, когда все мечты сбываются. Этот год был полон огромного, неопишуемого счастья. Было любимое дело, которое сам выбрал, тебя окружали веселые, талантливые, симпатичные друзья, которых сам нашел, было ощущение полной свободы, которая не что иное, как право самому выбирать свою судьбу, и, наконец, было и личное счастье, о котором здесь не место распространяться. А главное - все вокруг было на подъеме.

1-го января 1968-го года появилась программа "Время", сразу же завоевавшая симпатии зрителей.

В июне 1968-го года многосерийная "Летопись полувека" превратилась в Творческое Объединение "Экран" со студиями документальных, художественных, музыкальных, мультипликационных фильмов. Телевидение обзавелось собственным мощным кинематографом. Наша Четвертая программа тоже набирала обороты. Время от времени она потрясала зрителей сенсациями. Чего стоила, например, "Автомобильная фантазия", придуманная неумным режиссером Пашей Гранкиным. Мимо телецентра торжественно продефилировали десятки автомобилей старых марок: "эмки", "газики" и т. д. Возле завода "Кинап" кавалькада развернулась и снова прошла мимо телецентра. Но главное потрясение ждало телезрителей позже, когда машины стали въезжать в тысячеметровую студию останкинского комплекса и репортер начал рассказ о самой последней новинке отечественного автомобилестроения. Это были масштабы!

Четвертая программа изумляла. В обыкновенной передаче вдруг ни с того ни с сего появлялся саксофонист, выводящий умопомрачительные рулады. С чего саксофонист, думали зрители, зачем? Это какое-то новое слово в искусстве.

Им было невдомек, что молодые режиссеры изобретали несусветное потому, что их никто не научил тому, что можно, а чего нельзя делать на телеэкране. Вот почему время от времени они находили что-то новенькое. Авангардизм объяснялся неопытностью молодости.

На фоне официальной, выверенной, но невероятно скучной и казенной первой программы четвертая выделялась непредсказуемостью и новизной. Зрители это сразу почувствовали и стали присылать письма: "Просим четвертую программу сделать первой". Вскоре такие письма стали приходить мешками. Мы ходили с гордо задранными головами, не ведая, что это начало нашего конца.

ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОНОК

Кажется, первые отчетливые признаки того, что начинается что-то новое, появились к весне. И помнится, началось все с рубрики "Пресс- центр". Кто-то, кажется Э.

Пархомовский, предложил для дискуссии тему о реконструкции Арбата. К тому времени уже пробиты сквозь живой город Новый Арбат, эту "вставную челюсть" столицы, в связи с чем и родилась идея сделать старый Арбат улицей для пешеходов. Закрывать по нему движение транспорта, открыть множество уютных баров, кафе, музейчиков московского быта, устроить променады для москвичей и гостей столицы. Примерно то, что сделали с Арбатом сейчас, только лучше. Идея всем понравилась, и журналисты "Пресс-центра" разыграли тему как по нотам.

Меня вызвал к себе генеральный директор Центрального телевидения и заявил, что такую передачу он выпустить в эфир не может.

- Почему? Отличная получилась передача!

Директор откровенно объяснил, что мы ломим березку не по ранжиру. Сегодня мы позарились на Арбат, завтра возьмемся за Красную площадь, Кремль, а потом захотим переделывать всю страну.

Идиотизм аргументов просто ошарашил. Мы не хотели никакой революции. Просто сделать бы жизнь умней и лучше. Я возразил, завязался спор. Хотите верьте, хотите нет - он продолжался четыре часа. Победить мне не удалось. В наши дни, когда я оказываюсь на Арбате, всякий раз вспоминается эта дурацкая дискуссия и я снова пытаюсь понять, какая идея двигала моим оппонентом. Но понять его до сих пор не могу.

Дальше продолжалось в том же духе. Публицистика не шла. Мы записали девять передач рубрики "Пресс-центр", но только пять из них удалось протолкнуть в эфир. Аргументы противной стороны были примерно в том же духе. Споры продолжались часами и доводили до белого каления. Мы были в неравном положении. Власть имели те, кто ставил на микрофонной папке разрешительную подпись. Журналисты экстра-класса, поработав несколько раз впустую, стали терять к рубрике интерес. Самое любопытное, что никому из них и в голову не пришло выступить на страницах своих изданий в нашу и в свою собственную защиту. Начальству виднее! Так думали тогда даже самые творческие люди.

АПОГЕЙ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Стычки с дирекцией становились все чаще и круче. Одна из самых памятных произошла по поводу экранизации работы В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Игорь Дуэль написал хороший сценарий четырехсерийной программы. Начинаясь передача с того, что в кадр врываются два фехтовальщика со шпагами, один в красном, другой в белом трико. Начинаясь ожесточенная дуэль.

Двое ведущих, наблюдавших за схваткой в сторонке, под звон клинков объясняли, что так, примерно, выглядит идеологическая борьба в философии. Идеализм вступил с материализмом в смертельную схватку.

Кто кого? Разумеется, тогда никому и в голову не могло прийти, что убивать людей за их взгляды - самое обыкновенное преступление. Если враг не сдается, его уничтожают. Понятно?

Начало передачи не только шокировало наших оппонентов, оно довело их почти до обморочного состояния. Да как можно надругаться над святынями! Классики марксизма-ленинизма не повод для формалистических вывертов. Мы пытались объяснить, что прочно стоим на почве марксизма и не хотим быть в стороне от идеологической борьбы. Но если кто-нибудь попытается разоружить нас, выбить из наших рук идеологическую шпагу, мы дадим ему по рукам.

И тогда оппоненты вызвали подмогу.

Меня пригласил на Шаболовку наш новый главный редактор Вилионар Васильевич Егоров. Знакомство состоялось рабочее. Вместе со своим первым замом он начал приводить в норму строптивного зама по Четвертой программе. В крохотном кабинете меня загнали в угол, и началась схватка. К тому времени я уже настолько натренировался в предэфирных дискуссиях, что двойное численное превосходство ничуть не смущало. И

снова почти четыре часа напряженнейшего спора.

Когда стало ясно, что у нас ничья, я по примеру оппонентов тоже решил прибегнуть к помощи, пошел к Г.А. Иванову и потребовал организовать широкое обсуждение передачи. Больно уж тема серьезная.

И такое обсуждение состоялось. Г.А. Иванов и Н.П. Карцов вкупе со всеми оппонентами терпеливо просмотрели все четыре программы, высказали ряд острых критических замечаний в адрес авторов... и дали разрешение выдать передачу в эфир. Вилионар Васильевич Егоров показал себя мудрым начинающим руководителем телевидения. Он поступил со мной примерно так же, как я поступил с Аркадием Ратнером: предоставил мне полную свободу и больше никому не позволял впутывать себя в подобные приключения. За Четвертую программу он получал от высокого руководства только комплименты, а на Шаболовке своих проблем было выше головы. Я был ему за это крайне признателен.

Примирение состоялось еще и потому, что новый главный редактор обладал потрясающим чувством юмора. Теперь мы ходили на летучки с наслаждением. Остроты Вилена Егорова повторяла и вся редакция, и все телевидение.

Но на Четвертой программе ЦТ было уже не до смеха.

ОККУПАЦИЯ

Поняв, что Г.А. Иванов и Н.П. Карцов оказывают нам очень эффективную поддержку, наши оппоненты придумали хитрый ход. Они создали на Четвертой программе отдел внутреннего рецензирования. Проще говоря, на работу пригласили около ста пятидесяти цензоров, почти столько же, сколько было создателей Четвертой программы. В их обязанность входило написание рецензий на каждую передачу без исключения. Перед написанием они беседовали с авторами и режиссерами. Надо сказать, что вели они себя очень корректно, хотя были непримиримыми противниками формализма, антипатриотизма, интеллигентских штучек, вывертов и зауми. Они вертели сценарии и передачи со всех сторон, ловили на любой ошибке, выискивали всех блох и любыми способами доказывали, что передача никуда не годится. Вежливо, не повышая голоса, но убежденно и твердо. Самая главная интрига заключалась в том, что внутренние рецензии предназначались только высокому начальству, а для авторов передач они оставались тайной. Их держали в сейфах как секретные документы, и никто не знал, что же про него написали в высокие инстанции.

До сих пор для меня загадка, откуда в одночасье можно было собрать такое количество верноподданных посредственностей. Это были образованные, явно неглупые люди, но ничем не выделяющиеся, не запоминающиеся, лишённые всякой индивидуальности. Какие-то серенькие бесцветные человечки, с полным отсутствием творческого начала. Самое поразительное, что потом, сделав свое дело, они исчезли таким же загадочным образом, как и появились. И ни один из них не остался работать на телевидении. Оно, очевидно, их совершенно не интересовало.

Для нас наступили трудные времена. Мало того, что хорошую передачу сделать совсем не просто, потом нужно еще несколько дней бороться за положительную внутреннюю рецензию, прочитать которую нельзя. И началась тайная война. Как здорово, что мои замы собрали талантливых людей, которые были умнее их. Смелые и зубастые, они, как я теперь думаю, создали подпольный отдел антирецензентов. Иногда мне приносили копии рецензий, но никто не мог сказать, как же удалось выкрасть служебные тайны. Создавалось даже впечатление, что кого-то из рецензентов сумели завербовать. Я читал доносы и удивлялся их потрясающей глупости.

Наша жизнь превратилась в каждодневное, изнурительное, бессмысленное состязание с невидимым врагом. Но ощущение счастья не исчезало. И если бы кто-нибудь спросил меня о моем представлении о счастье, я ответил бы словами основоположника:

- Счастье - это борьба!

ПОДНОГОТНАЯ

Писать мемуары полезно, потому что только годы спустя понимаешь, что же происходило с тобой, с Четвертой программой в те далекие времена. А происходило с нами то, что и должно было произойти. Живем ведь не на облаке. События самые отдаленные оказываются звеньями одной цепи. Только не каждому удается сразу обнаружить связь времен.

Счастливая весна на Четвертой программе совпала с «пражской весной». Тогда такого понятия еще не было, и мы почти ничего не знали о том, что происходит в Праге. Кое-кто из коллег, вернувшись из туристической поездки в Чехословакию, рассказывал совершенно несусветные вещи о том, что делает Александр Дубчек в стране вместе со своим ЦК и что творится в телевизионном эфире. Но все это было далеко, представлялось политической экзотикой, а тут своих забот полон рот.

А на самом деле все это прямо затрагивало нас. «Пражская весна» грозила перекинуться и на Москву. Появилась какая-то Четвертая программа, ни на что не похожая, которую зрители просят сделать первой. Это что, оппозиция? Нельзя допустить, чтобы телевидение вышло из-под партийного контроля. Ситуацией надо владеть, и Четвертую программу ЦТ оккупировали цензоры.

Мы не были диссидентами и даже в мыслях не посягали на основы нашего строя. Думаю, прогрессивные руководители советского телевидения тоже не были последователями Дубчека. Но что-то было не так в королевстве датском, и умные люди знали, что многое надо менять. Не зря Г.А. Иванов так напирал на проблемность. Но кто же, в конце концов, думает, что наши биографии вписаны в историю? Кругом обычная жизнь, повседневные заботы, тревоги, радости и несчастья. Но она есть, эта всеобщая связь событий, вещей и времен.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МЕСЯЦЕВ

Историю лучше всего понимать через тех, кто ее делает. Делают все, но некоторые, обладающие властью, играют особую роль.

Буквально через пару дней после его назначения председателем Госкомитета по радиовещанию и телевидению я попал к нему на ковер. Николай Николаевич на высоких нотах напустился на меня за какую-то промашку. Я удивленно посмотрел на него и сказал, как понимаю сейчас, с потрясающей наивностью:

- Николай Николаевич! Вы у нас на телевидении человек новый и многого еще не понимаете. А поработаете - поймете, что я был совершенно прав.

И я объяснил, в чем дело.

Мне довелось пережить добрый десяток председателей, и почти каждый из них за такие слова прихлопнул бы меня как муху. Месяцев же позволил подчиненному возражать и даже начал доказывать обратное. Но я довольно быстро убедил его в своей правоте. С этих пор меня не покидало ощущение, что с таким руководителем можно работать.

Потом было еще несколько встреч, и даже довольно острых, но первое впечатление так и не изменилось. Как сказал мудрец, не поддавайтесь первому впечатлению, оно самое правильное.

А дальше произошло, как мне кажется, самое обычное. Николай Николаевич пришел на телевидение в момент его поразительного взлета. Этот взлет был подготовлен другими, но он понял и почувствовал величие и благородство дела, порученного ему. Он полюбил телевидение, многое сделал для его развития. При этом он нарушил кодекс советского руководителя. Как только тот начинал любить свое дело ради самого дела, его непременно снимали.

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ

А подготовил телевизионный Ренессанс Георгий Александрович Иванов, Георгий-Победоносец советского телевидения.

Он учился в Щукинском училище, возглавлял управление культуры Моссовета, был первым секретарем Свердловского райкома партии г. Москвы и обладал всеми талантами, чтобы твердой рукой руководить чудовищным скопищем творческих личностей, собравшимся на Шаболовке.

Никто не сделал для телевидения больше него, он создал нашу телевизионную империю, архипелаг ТВ. Его политика была простая: он заставлял каждого работника телевидения работать на износ. Денег и техники хватало только на одну программу, и то с натяжкой, а он открывал вторую и под двойной объем добивался новых бюджетных субсидий. Средств было мало для двух программ, он открывал третью и потому имел моральное право требовать строительства Останкинского телецентра и открытия Четвертой программы. Он твердо знал, что дело развивается только в том случае, если растет.

Чуть-чуть поближе я познакомился с ним, когда написал большой сценарий "Так это делается". Это был парафраз великолепных юморесок Карела Чапека о том, как делается газета, спектакль и фильм. Я, разумеется, рассказывал о том, как делается телевидение. Сценарий Г.А. Иванову очень понравился, и он хотел его экранизировать. Вопрос решался на заседании коллегии, куда авторов не приглашали. Обсуждение было жарким. У сценария - горячие сторонники и непримиримые противники. Спорили долго, пока противники не привели последний и самый убедительный аргумент.

- Это будет второй "ВВВ"!

Из-за скандального "Вечера веселых вопросов", предшественника "КВН", сняли с работы директора Центрального телевидения В.С. Осьминина, руководителей молодежной редакции, которую попросту разогнали. Иванов стал сумрачным.

-Если "ВВВ", то обсуждение сценария прекращаем.

Через пять минут я узнал о своем провале, а через семь встретился в коридоре с Георгием Александровичем.

- Ты уже знаешь? - спросил он.

- Знаю.

- Извини, что я не смог защитить тебя. Не обижайся.

- Да какие там обиды! Подумаешь, сценарий забодали. Я другой напишу, еще лучше.

Он посмотрел на меня с удивлением.

- Вот это правильно.

Мне тогда и в голову не пришло, что случилось чудо. Руководитель такого масштаба извинялся перед подчиненным за то, что не смог его защитить. Только годы спустя я мог оценить этот урок: руководитель любого ранга только тогда чего-то стоит, когда он умеет защищать своих подчиненных. Такое случается редко, но тогда по наивности я полагал, что так и должно быть.

С этого момента я постоянно чувствовал, что любая моя идея находит у Г.А. Иванова безоговорочную поддержку. Больше того, возникло странное ощущение, что некая неведомая, но могучая сила неуклонно выталкивает меня вверх по служебной лестнице. Фактов не было. Я никогда не любил мельтешить по начальственным кабинетам.

НИКОЛАЙ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ КАРЦОВ

Он был вторым защитником Четвертой программы. Огромного роста, масштабный, словно самой природой созданный для амплуа руководителя, Карцов очаровывал доброжелательностью и умом. Он был основателем кафедры радио и телевидения на факультете журналистики МГУ, руководил литературно-драматической редакцией, был

генеральным директором программ Центрального телевидения и даже его главным редактором.

Человек безупречного вкуса и огромной эрудиции, для нас, зеленых творцов Четвертой программы, он был вроде творческого гуру, учителя, наставника, заступника. Его оценки наших передач были безупречны. Если сам Карцов сказал так, значит так и есть.

Он являл на телевидении образец подлинно творческой личности. Помню, какое огромное впечатление произвел на меня замечательный фильм про Маяковского, снятый по сценарию Николая Карцова талантливейшим режиссером Юрием Белянкиным.

Судьба его на телевидении не была простой. Он уходил, его «уходили». Неожиданной оказалась встреча в ВААПе, Всесоюзном агентстве по авторским правам. Я тогда тоже оказался за бортом и чуть было не устроился на работу заместителем Николая Пантелеймоновича. Потом мы встретились в журнале «Дружба народов», где он вел раздел прозы.

Но самая пронзительная встреча произошла в самые трагические дни нашего телевидения, когда за пару лет сменилось пять-шесть председателей Гостелерадио и каждый внес свою заметную лепту в уничтожение телевидения. Случайно заглянув в одну из комнат на одиннадцатом этаже Останкино, я с изумлением обнаружил там Николая Пантелеймоновича Карцова и Георгия Александровича Иванова. Оказывается их, пенсионеров, взяли на работу консультантами. Я поговорил немного с обоими и ушел, раздираемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, горькая обида, что главные создатели нашего телевидения завершают свой трудовой путь совсем не так, как полагалось бы по заслугам, а с другой - щемящее чувство гордости, что не перевелись у нас совестливые люди, способные защитить великих и беспомощных стариков. Из воспоминаний Н.П. Карцова я узнал, что сделали это Валентин Лазуткин и Анатолий Высторобец. Низкий им поклон за человечность и благородство.

НАС ЗАКРЫВАЮТ!

Весной и летом 1968-го года жизнь Четвертой программы развивалась одновременно в двух совершенно противоположных направлениях. В творческом плане был явный взлет, прогресс. Во всех остальных отношениях - движение в сторону гибели и разложения. Мы словно старались доказать, что можно одновременно взлетать и падать. Поэтому, когда то ли в конце июля, то ли в начале августа пронесся слух, что Четвертую программу закрывают, все в это тут же поверили. Допрыгались! Доигрались! И когда назначили общий сбор всей Четвертой программы, встречу со всем руководством телевидения, стало ясно, что будет панихида, переходящая в похороны.

И она состоялась в большом репетиционном зале. В центре стола президиума сидел Н.Н. Месяцев. Справа от него - Г.А. Иванов и Н.П. Карцов, слева - генеральный директор телевидения П.И. Шабанов и руководители отдела внутреннего рецензирования.

Зал был набит битком. Вступительное слово - Н.Н. Месяцеву. Он сказал, что работа Четвертой программы вызывает большие нарекания. Ошибочно ориентируясь на зрителя-интеллектуала, мы оторвались от своего народа, от рабочего класса. Отсюда тенденции формализма, ложного формотворчества. Мы пошли на поводу у загнивающего Запада, отсюда заумь, которая настораживает. И дальше в том же духе, виртуозно разработанном в тысячах внутренних рецензий. Он закончил призывом выступить всем желающим, говорить честно, самокритично, с большевистской прямоотой.

Наступила небольшая пауза. И хотя известно, что первым пуля убивает того, кто первым высказывает на брествер, надо поднимать своих в атаку.

Я сказал Николаю Николаевичу с большевистской прямоотой, что ему, руководителю Комитета, не пристало повторять глупости, которые подсказывают недалекие люди. Чтобы работать на зрителя-интеллектуала, надо самому быть интеллектуалом. Пусть он всмотрится в лица тех, кто собрался в зале. Это лица

худосочных Климов Самгиных? Ничего подобного. Это лица жизнерадостных, симпатичных, спортивных людей, которые днем вкалывают как черти, а вечером учатся на заочных факультетах. Конечно, им хотелось бы казаться интеллектуалами, но они люди умные и знают, что выше лба уши не растут.

А насчет формализма и зауми? Не проще ли говорить о недостатке профессионализма. Досадные ошибки делают не по злому умыслу, а потому, что надо учиться. Чтобы стать мастером, таланта мало, нужно еще и время. Надо потерпеть еще полгода - годик, и все станет на место.

Я не говорил, меня несло. Кое-где я хватил через край.

Николай Николаевич вскочил с места и закричал на меня:

- Вы сами себе могилу роете!

Я парировал, как мне тогда казалось, с большим остроумием:

- Не важно, кто роет могилу, важно, кто в нее попадет!

Меня провожали бурными аплодисментами.

А следующим пошел в атаку Игорь Дуэль. Вот когда я снова убедился, как важно начальникам выбирать подчиненных умнее себя. Игорь сумел найти еще и острую драматическую форму для своего спича.

- Николай Николаевич! Посмотрите: перед вами лежит толстая кипа доносов. Самый верхний - это донос на меня. Я исхитрился с ним познакомиться и сейчас даже отсюда узнаю. Возьмите его в руки, Николай Николаевич, и прочтите хотя бы то, что подчеркнуто красными чернилами... - Месяцев взял в руки листок и начал читать. Дуэль выдержал паузу. - А написано там, Николай Николаевич, что мои передачи из цикла «Обживаем океан» лишены патриотизма. Что у меня нет гордости ни за русскую землю, ни за русский язык. Я, например, без конца повторяю слово «Гольфстрим». А не лучше ли было бы сказать просто и по-русски: «Теплое течение». Так ведь там написано?

Н.Н. Месяцев почитал еще, улыбнулся и подтвердил:

- Так.

Зал взорвался оглушительным хохотом, потом началась овация. Собрание было скомкано и пошло под откос. Четвертую программу не закрыли.

Сегодня я думаю, что он это делать и не собирался. Он старался спасти самого себя, свое дело, и показать высшим инстанциям, что он решительно борется с разгулявшейся Четвертой программой, одергивает ее, устраивает ей выволочку. Шла работа напоказ. Надо было доказать свою лояльность, и он играл политическую пьесу, хотя я тогда все воспринимал всерьез.

Но было уже поздно.

21-го августа наши танки вошли в Прагу.

Незачем говорить, какое впечатление произвело на всех нас вторжение в Чехословакию. Раздался телефонный звонок. Приехал в отпуск знакомый дипломат, работавший в Праге. Я помчался к нему, и с обеда до шести утра он рассказывал мне обо всем, что делалось в Чехословакии. Двадцатого августа он пересек границу и увидел на нашей стороне скопище военной техники. Он был хорошо знаком с Иржи Пеликаном, сживал в гостях у него, приглашал в гости к себе. Ему только что сообщили, что Пеликан сбежал в Лондон.

Я понял, что Четвертая программа обречена. Когда истину утверждают с помощью танков, смешно ее искать, да еще надеяться на то, что удастся сказать правду. Можно, конечно, стать в позу Дон Кихота и принимать внутреннее рецензирование за ветряные мельницы. Но время изменилось. Раньше искусство революции утверждало, что в первую очередь надо брать почту, телефон, телеграф. Теперь будут брать телевидение. И уже взяли.

Так Четвертая программа преподнесла еще один поучительный урок. У телевидения нет собственной истории, оно включено в историю общества, которую обслуживает. А наша новейшая история - это история политических танковых парадов.

Правда, только с годами удастся потом обнаружить классическую пятиактную трагедию:

1953 - наши танки в Берлине,

1956 - танки в Будапеште,

1968 - танки в Праге,

1979 - танки в Кабуле,

1991 - танки в Москве.

Но пока стало ясно, что Четвертой программе больше не жить.

ЕЩЕ УДАР

Время шло, а нас все не закрывали. Правда, тяжелые потери были. Исчезла рубрика «Планета людей». Вместо нее уже шли фильмы о человеке труда, снятые на киностудиях Белоруссии, Молдавии, России. Характер таких фильмов понятен.

Я сидел один в своем кабинете и вдруг поразился тому, что происходит нечто странное: ровным счетом ничего не происходит. Вот уже битый час никто не ломится в двери, чтобы найти спасение, никто не звонит по телефону, чтобы сообщить о несчастье. Я словно выпал из течения времени. Тут я и понял, что произошло.

Студия уже работала как хорошо отлаженный механизм. Каждый знал свои функции, все производственные звенья притерлись друг к другу, люди точно расставлены, технология отработана до тонкостей, план работы известен всем на год вперед. Вмешательства руководства больше не требовалось. Люди привыкли к самостоятельности и в критических ситуациях сами принимали верные решения.

Я был уже не нужен. Я как мавр сделал свое дело и мог уйти. Уехать в командировку? Засесть на даче за новую книгу? Удариться в загул? Моего отсутствия никто бы не заметил.

Это было странное ощущение. Потом эта ситуация повторилась еще несколько раз.

И однажды в такой момент раздался телефонный звонок. На проводе был Большов, директор Творческого объединения «Экран».

- Есть у нас одна проблема, - сказал он, - и главный редактор студии документальных фильмов Арнольд Григорян сказал, что лучше вас никто не сможет помочь. Вы не смогли бы заглянуть ко мне?

Его кабинет был двумя этажами ниже, и я заглянул.

- Арнольд тяжело заболел, - объяснил Большов, - у него отнялись ноги. Студией он уже не сможет руководить и согласился на должность члена сценарной коллегии. А преемником он видит вас и только вас. Вот я и предлагаю вам стать главным редактором студии документальных телефильмов. Это самая большая студия страны, выпускает больше ста фильмов в год, в ней больше семисот человек. Дело новое и очень интересное.

Я поблагодарил за предложение и попросил три дня на раздумья. Тем более что нужно посоветоваться с Арнольдом.

Мы расстались, но я уже заранее знал, что соглашусь. Я уже начал писать книгу о документальном киноискусстве.

Об этом предложении я первой рассказал Ирине Железовой.

- Не делай этого! - твердо сказала она. - Это будет предательство.

- Помилуй, Ирочка. Человеку предлагают более высокую должность и очень интересную работу. Полковника просят стать генералом, а он артачится и говорит, что ни за что, что он останется верен своему полку... А потом надо понимать свою ответственность. Четвертая программа обречена, ее скоро закроют. Мы как руководители обязаны помочь лучшим из наших найти новую работу. Тебе я рассказал первой, но от других теперь скрывать не стану.

Но Ира оставалась непреклонной. Надо знать Иру. Если она что-нибудь решала, сдвинуть ее уже не мог никакой бульдозер. Но я тоже привык принимать решения и в июле 1969 года стал главным редактором студии документальных телефильмов Творческого объединения «Экран». Четвертая программа для меня кончилась.

ЭПИЛОГ

А вскоре кончилась и сама Четвертая программа. Ее рассыпали, как рассыпают типографский набор.

В апреле 1970 года, в юбилейный месяц столетия со дня рождения В.И. Ленина, сняли с работы председателя Комитета Н.Н. Месяцева.

Н.Н. Месяцева сменил С.Г. Лапин, тот самый, который очищал Радиокomitee от врагов народа, после войны возглавлял Западногерманский отдел Советской Контрольной Комиссии в Германии, а затем ТАСС. Он поставил своей задачей с помощью телевидения создать культ Л.И. Брежнева и преуспел в этом. В первый же год он сократил на телевидении 1 500 сотрудников, на следующий год еще столько же. Люди были охвачены страхом и стали совершенно послушными.

Н.Н. Месяцева отправили послом в Австралию, на другую сторону земного шара.

Г.А. Иванов стал директором Большого театра.

Ира Железова ушла в киноредакцию и возглавила самые популярные рубрики «Очевидное-невероятное», «Клуб кинопутешествий», «В мире животных».

Светлана Четверикова стала главным редактором студии мультипликационных фильмов «Экрана».

Слава Белянинов работал главным режиссером главной редакции общественно-политических программ, стал лауреатом Государственной премии и защитил во ВГИКе первую кандидатскую диссертацию в стране, посвященную видеофильму.

Автор же этих воспоминаний продолжил в телекино поиски секретов мастерства и даже кое-что нашел, о чем рассказал примерно в таком же духе в книге «Искусство драмы». Она венчала пятилогию: «Метод искусства», «Теория искусства», «Искусство информации», «Искусство публицистики». Их выводы собраны в работе «Психология творческой деятельности».

Что же касается Четвертой программы ЦТ, то после ее исчезновения мы лет десять четвертого ноября снимали в складчину какое-нибудь кафе и собирались в полном составе. Мы поднимали тосты, танцевали и только там могли увидеть тех, кто покинул телевидение: Сашу Шпикалова, Игоря Пальмина, Игоря Дуэля и многих, многих других.